

Губы Мо Шуй обиженно выпятил: ну за что?! Опять лекарственную трапезу! Даже притвориться больным не вышло... Да уж, милый, ты потому и вынужден её есть, что вздумал сказаться больным!

Они подошли к столу и сели. Мо Шуй, всё ещё дуюсь, наконец отлепился от Мо Ле, на котором до этого висел словно коала, и угрюмо опустился на соседний стул. Уставившись влажными, широко распахнутыми глазами на пиалу с кашей из ямса и постной свинины, он время от времени украдкой косился на Ле-ле: ну правда же, так не хочется это есть!

— Ле-ле-е, твой батенька себя замечательно чувствует! Может, не надо кашу? — Мо Шуй сострыпал самую жалостливую мимику и принялся тянуть Мо Ле за рукав, раскачивая его руку.

— Эх, не сладить с тобой, — вздохнул Мо Ле. — Ты ведь даже не попробовал, откуда знаешь, что лекарственная трапеза невкусная? Повар Мо специально для тебя старался...

— Повар Мо? У-у-у, повар Мо тоже плохой! Не печёт мне ни пирожные «Цветы сливы», ни османтусовые коржики, а подсовывает только лекарственную трапезу... Вы совсем перестали любить Шуй-шуй! Ы-ы-ы...

Слёзный кран Мо Шуй вот-вот готов был открыться на полную мощь. Мо Ле тут же спешно запричитал:

— Ну-ну, тише, батюшка. Поешь лекарственной трапезы — и станешь таким же сильным и умелым, как Ле-ле!

Что оставалось делать? Приходилось с лаской ублажать капризного кроху. Мо Ле просто не выносил вида его слёз.

— Шмыг... Хнык... Ле-ле, ты ведь только что назвал меня батенькой, правда?

Кто знает, с каких пор Мо Ле наотрез отказался звать Мо Шуй отцом. И потому ради этого заветного обращения капризный «отец» обычно соглашался на уступки. В конце концов, мудрый родитель обязан прислушиваться к разумным советам сынов — а Шуй-шуй ведь заботливый батюшка! Руководствуясь этой глубокой мыслью, Мо Шуй сдавался каждый раз, стоило Мо Ле назвать его «батенькой».

— Эх-х... Но тогда Ле-ле должен кормить меня с ложечки! И только две ложки, слышишь? Ровно две!..

Мо Ле порою и сам не мог взять в толк: отчего, даже превратившись в дитя с разумом восьмилетнего ребёнка, Мо Шуй с таким упорством цеплялся за это обращение? Прежде он не придавал этому ни малейшего значения. Бог весть, что творилось в этой хорошенькой головке!

— Хорошо-хорошо, совсем чуть-чуть. Ле-ле сам тебя покормит, идёт?

Мо Ле с радостью принял сию «тяжкую» обузу. Ещё бы: под шумок можно было умыкнуть пару нежных ласк и потискать гладкую, белую кожу Мо Шуй, а это гораздо приятнее, чем ночью, когда к нему и прикоснуться-то не позволялось!

Поразмыслив и наклонив голову, Мо Шуй весьма смышлёно забрался к нему на колени. Хм! Если уж Ле-ле собрался кормить его, то сидеть нужно только в его объятиях — там ведь так уютно! Тепло, пахнет вкусно, да ещё и поцеловать можно...

И откуда у этого сорванца такие мысли? Точно ли у него ум восьмилетнего ребёнка, если он только и норовит целоваться?

С горькой ухмылкой прижав к себе непоседу, липнувшего к нему не хуже детёныша кенгуру, Мо Ле взял из рук служанки ложку. Зачерпнув немного каши, он слегка подул на неё и поднёс к губам Мо Шуй. Тот капризно скривился, но всё же соизволил разжать губы.

Нотки травяного аромата в сочетании с сочным вкусом постной свинины делали блюдо весьма отменным. Вот только в упрямом умишке Мо Шуй засела одна-единственная мысль: в каше есть лекарства, а значит, лекарственная трапеза невкусная! Поэтому не буду есть лекарственную трапезу!

— Ну как? Вовсе не дрянь, правда? — Мо Ле ласково погладил малютку по голове.

Взгляд его потеплел, наполнившись безграничной нежностью. Глядя на него сейчас, сложно было узнать сурового мужа, которого в поднебесном мире цзянху окрестили Холодным божественным лекарем. Впрочем, подобная мягкость предназначалась лишь одному человеку.

— Шмыг... Всё, две ложки есть! — мгновенно подал голос Мо Шуй.

Память у него в такие минуты прояснялась с удивительной точностью — куда только девалось привычное ребяческое беспамятство!

— Послушный мальчик... Если Шуй доест кашу до последней капли, завтра утром я отвезу тебя в терем Хмельного Золота лакомиться всякими вкусностями...

При одном упоминании терема Хмельного Золота весь капризный пыл Мо Шуй как рукой сняло. О-о-о, терем Хмельного Золота! Там ведь подают его любимую рыбу «Сосновая хвоя», османтусовые коржики, пьяных креветок и судака в прозрачном бульоне...

— Хи-хи-хи... — упиваясь мечтами, он даже слюну пустил.

Нахмурившись, Мо Ле бережно утер у рта любимого слюну. Ну что за наказание! Увидь это кто со стороны — решили бы, будто Холодный лекарь умарил собственного «батеньку» голодом. И ведь никогда его лакомствами не обделяли, а выглядит точь-в-точь как изголодавшийся кот!

Мо Ле тяжело вздохнул: против этого озорника у него не было никакого оружия.

— Ты чего? — Мо Шуй тревожно уставился на своего «сынка».

Неужели передумал? Нет-нет-нет, так нельзя, его любимая рыбка ещё даже не попала к нему в животик!

— Ле-ле-е, ты чего это? Собрался на попятный? Взрослые должны держать слово, данное детям!

Стоявшая неподалёку Османтусовый Коржик едва не поперхнулась. Насилу сдерживая хохот, она едва не молилась: «Боги, господин стал до того милым! Надо же, сам себя ребенком назвал!»

Мо Шуй тут же надулся:

— Хм! Коржик, ты чего скалишься? Посмейся у меня ещё, и я попрошу Ле-ле переименовать тебя в Большую Мясную Тефтелю!

«Ха-ха, испугалась? Будешь знать, а не то вовек замуж не возьмут!» — злорадно подумал Мо Шуй, с превосходством глядя на бедную служанку. Девушку звали Ли Сяосяо, однако теперь её нарекли Османтусовым Коржиком. Эх, кабы не долг признательности, она ни за что не осталась бы прислугой у этой парочки — старшего да младшего, чьи характеры заставляли лишь руками разводить.

Не сдержав тихой ухмылки, Мо Ле покачал головой и разгладил растрёпанные волосы Мо Шуй. Настоящий ураган! Жизнь под одной крышей с таким сокровищем — везуха, не иначе как вымоленная в прошлых воплощениях.

Пока они так препирались, пиала с кашей быстро опустела. Впрочем, Мо Шуй и не думал слезать с колен Мо Ле. Вращая своими большими глазами, он заискивающе спросил:

— Слушай, Ле-ле... А можно мне сегодня с тобой? Спустимся с горы, на ярмарку ходим, а?

Эх, в поместье Заоблачных Высей было хорошо буквально всё, да вот беда — усадьба покоилась в глухих горных высях, сокрытая от чужих глаз. Простым смертным сюда путь был заказан, а наш весьма обыкновенный Мо Шуй выбраться отсюда самостоятельно просто не мог.

— Нельзя. Нынче мне надобно наведаться в гильдию аптечных лавок поместья. Ходят слухи, будто там начались перебои со снадобьями, нужно выяснить, в чём дело. Так что гулять с тобой времени нет.

От одной мысли об этих делах у Мо Ле заныли виски. По правде говоря, на выгоду и убытки ему было плевать — во всём белом свете для него имел значение один лишь Мо Шуй.

Осторожно потянув Мо Ле за край халата, Мо Шуй взглянул на притихшего юношу:

— А Ле-ле ведь сам ещё не позавтракал! Тебе тоже надо поесть. Ты у нас слаб здоровьем, тебе целебная каша тоже необходима!

Приподняв бровь, Мо Ле с улыбкой посмотрел на сие сокровище, возившееся с пустой пиалой. Повернув к себе миловидное личико, он звонко чмокнул его в белую щечку:

— Ладно-ладно, поем и я, поем с Шуй лекарственную трапезу, сойдёт?

Ну что за дитя! Раз уж сам поел лекарственной трапезы, обязательно нужно утянуть за собой кого-то ещё.

— Вот и славно! А батюшка сам покормит своего Ле-ле кашкой...

Мо Шуй весь засиял от восторга: наконец-то ему, как настоящему «отцу», выпал шанс исполнить родительский долг и выходить собственного «сына»!

У Мо Ле от таких речей едва опять жила на виске не лопнула — с чего вдруг ещё и кормить с ложки?! Однако расстраивать своё сокровище категорически не хотелось: ладно уж, пусть кормит!

— Сяося, ступай пока. Здесь больше прислуживать не нужно, я позову тебя позже, когда надо будет убрать.

Служанка едва не расплакалась от нахлынувших чувств: есть всё-таки на свете разумные люди! Смотрите-ка, помнит её настоящее имя!

Сяося живо смахнула крошки со стола и направилась к выходу, но не успела она шагнуть за порог, как за спиной раздался капризный возглас.

— У-у-у... Ле-ле, ты... ты меня больше не любишь!

«Да что на этот раз?!»

— Это ещё отчего? — ласково спросил Мо Ле.

— А вот и не любишь! Тебе не нравится имя, которое я дал Сяосяю! Ты совсем не зовёшь её Османтусовым Коржиком! А я хочу, чтобы она была Коржиком! От неё ведь так вкусно пахнет, точь-в-точь османтусовым коржиком!..

— Хорошо-хорошо, пусть будет Коржик! Это я виноват, совсем из головы вылетело, какое чудесное имя дал ей наш Шуй!

Бедная девушка едва не запнулась о высокий порог. И кто только секунду назад растроганно думал, будто у этой ледяной глыбы осталось хоть что-то человеческое?!

Ли Сяосяю выскочила за дверь, едва не пыша паром от возмущения. Нашел кого слушать! У Молодого господина вовсе нет собственного мнения: что б ни ляпнул старый хозяин — всё за чистую монету примет! «Коржик», надо же... Ну и имя!

Глядя вслед пышущей гневом Ли Сяосяю, Мо Шуй хитро ухмыльнулся.

Хм! Думала, он забыл, как она донесла Ле-ле о том, что он умял тайком османтусовые коржики?! Будет знать, как возводить на него напраслину перед Ле-ле!

Счастье Сяосяю, что она уже успела уйти и не слышала этих мыслей, а не то наверняка сплюнула бы кровью от обиды. Ведь в тот раз Мо Шуй едва проснувшись уплетал за обе щёки лакомство, сожрав добрую половину горшка! Девушка же рассказала обо всем Молодому господину исключительно из заботы: сладостями господину злоупотреблять воспрещалось. К тому же особая выпечка поместья Заоблачных Высей замешивалась с добавлением снадобий (о чём сам Мо Шуй даже не подозревал), и служанка просто побоялась, как бы у маленького предка не скрутило живот от сочетания десерта с утренней лекарственной трапезой. Кто ж знал, что её искренняя забота выльется в такое наказание!

Зачерпнув полную ложку каши, Мо Шуй поднёс её к собственным алым губам, прилежно подул и снизу вверх взглянул на Мо Ле:

— А теперь Ле-ле кушает! Я уже подул, больше не горячо!

С нескрываемым восторгом Мо Шуй принялся потчевать «сынка» завтраком. А грозный и холодный Мо Ле с величайшей охотой уплетал кашу, пока пиала не опустела дочи́ста.

Взглянув на чистое дно, Мо Шуй решил щедро наградить Мо Ле поцелуем. Выпятив губки, он потянулся к губам юноши. Правы предки: наевшись да обогревшись, человек только о любовных утехах и помышляет!

Раздался звонкий «чмок». Однако едва Мо Шуй вознамерился удрать по своим делам, Мо Ле

удержал его за талию, притягивая обратно.

— Маленький проказник, этим ты от меня не отделаешься, — с затаённой ухмылкой прошептал Мо Ле.

Он едва ощутимо коснулся розоватых губ, а затем разомкнул их, проникая внутрь. Нстойчивый поцелуй опьянял: он скользил по ровным белоснежным зубам, вовлекая маленький язычок в неторопливый танец.

— М-м-н... — Мо Шуй вскоре начал задыхаться.

Мо Ле тихо усмехнулся: время ещё не пришло, пора смилостивиться над крохой. Поцеловав его в лоб, он разжал объятия, отпуская покрасневшего непоседу. Мо Шуй так и замер с приоткрытым ротиком, жадно хватая воздух!

Раскрасневшись до кончиков ушей, озорник умчался прочь. Впрочем, уже у самых дверей он резко обернулся и наказным тоном крикнул:

— И не забудь привезти мне засахаренных ягод на палочке! Самую-самую большую связку!

И, не дожидаясь ответа, дал дёру.

«И надо же, смущаться умеет! Что же он, когда ластится, про смущение забывает?» — с улыбкой подумал Мо Ле.

Впрочем, дела не ждали. Нынче придётся поручить заботу о Мо Шуй управляющему.

Тем временем на дальнем склоне задней горы старый управляющий Мо инспектировал грядки с целебными травами. Внезапно по его спине пробежал мороз и волосы встали дыбом: добром это не кончится! Главное — только бы его не заставили «играть» с хозяином! Старые кости такого урагана просто не выдержат!

<http://bllate.org/book/20318/2105734>